

Еврейский некрополь Якутска как исторический источник функционирования якутской еврейской общины XIX–XXI вв.

Е. А. Берман

С XVII в. Якутская область была местом ссылки осужденных за уголовные и политические преступления, среди которых с начала XIX в. находились и евреи. Их, как и других ссыльных, расселяли по всей области, но в силу малочисленности полноценная еврейская община сложилась только в г. Якутске, включая же в себя все основные элементы любой еврейской общины диаспоры, главными из которых были молебельный дом и изолированное от других конфессий кладбище, якутская община стала лишь во второй половине XIX в. В данной работе проанализирована организация и функционирование еврейского некрополя г. Якутска как важного элемента общинной жизни и источника исторического и этнокультурного наследия евреев Якутии. Исследование охватывает период с последней четверти XIX в. до настоящего времени. В ходе работы были изучены история и особенности захоронений на еврейском кладбище Якутска, систематизированы ранние эпитафии на надгробиях, исследована деятельность погребальным братства и определена степень соответствия организации некрополя погребальным традициям иудаизма. Выводы работы будут способствовать дальнейшему изучению сибирских еврейских некрополей и углубленному пониманию функционирования еврейских общин в Восточной Сибири.

Ключевые слова: еврейская община, Якутск, некрополь, иудаизм, погребальные традиции, эпитафии, погребальное братство, Восточная Сибирь, историческое наследие.

Благодарности: автор выражает благодарность Александру Григорьевичу Гоммерштадту, руководителю «Местной религиозной организации ортодоксального иудаизма "Еврейская община г. Якутска"».

Для цитирования: Берман Е. А. Еврейский некрополь Якутска как исторический источник функционирования якутской еврейской общины XIX–XXI вв. // История повседневности. – 2025. – № 3. – С. 156–176. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_156. EDN: PAXTMB

Введение

Данная работа представляет собой часть диссертационного исследования автора на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история по теме «История формирования еврейских захоронений Восточной Сибири первой четверти XIX – первой четверти XXI в. в контексте общих погребальных традиций иудаизма».

Научной проблемой статьи является отсутствие комплексного исследования еврейского некрополя г. Якутска как исторического источника, отражающего быт, социальную структуру и культурные традиции местной еврейской общины в XIX–XXI вв.

Анализ некрополя позволит выявить неизвестные ранее аспекты социальной структуры и религиозной жизни, а также установить динамику изменений общинных традиций еврейской общины Якутии. Исследование восполнит существующие пробелы в изучении истории и культуры еврейских диаспор Восточной Сибири и станет основанием для дальнейших изысканий еврейского наследия данного региона.

Данная статья основана на анализе существующих исследований, раскрывающих историю еврейской общины Якутии. Важнейшей работой в данной области можно считать монографию А. Г. Гройсмана «Евреи в Якутии», изданную в двух частях [1; 2] и содержащую ценнейший материал о возникновении и развитии еврейской общины в Якутии. Немаловажное значение имеют также публикации А. П. Андреева: «Еврейская диаспора Якутии» [3], «Еврейское население Якутии» [4], «Еврейское школьное образование в Якутске (1900–1920-х гг.)» [5], где представлен обширный комплекс сведений о жизни еврейской диаспоры региона.

Дополнительные сведения получены из региональных исследований, таких как публикация О. А. Еранцевой «Развитие дореволюционного отечественного законодательства о рецидиве преступлений с XIX в. до начала XX в.» [6], касающаяся сферы уголовного законодательства, работа Т. С. Ермолаева «Образование и деятельность Якутского окружного полицейского управления (1868–1917 гг.)» [7], осветившая деятельность полиции и ее контроль над ссыльными, а также труд П. Л. Казаряна «Общее и особенное в ссылке евреев в Якутский край (XVII–XX вв.)» [8], затронувший проблему ссылок евреев в Якутский край. Вопрос принудительной миграции проа-

нализирован в работах Е. С. Сальниковой [9], С. И. Сивцевой, В. С. Акимовой и Т. Т. Курчатовой [10].

Помимо прочего, А. А. Ивановым, С. Л. Курас, Т. Л. Курас в статье «Ссылные евреи в политической жизни Иркутской губернии конца XIX – начала XX в.» [11] была показана роль ссыльных евреев в общественной и политической жизни региона. В исследовании подчеркнута вовлеченность евреев в российскую политику, что добавляет дополнительный контекст к истории еврейской общины Якутии. И. И. Юрганова освещает историю миссии Русской православной церкви в Якутии и взаимодействие православной церкви с местным населением, что помогает понять контекст взаимоотношений с еврейской общиной, которая испытывала давление доминирующей религии [12].

Представленное исследование строится на сочетании эпиграфического, описательного, аналитического, сравнительного и историко-биографического методов, а также научного моделирования и обобщения. В процессе исследования проведены полевые обследования надгробий, собраны и классифицированы тексты эпитафий, изучены архивные фонды Национального архива Республики Саха (Якутия). Полученные данные интегрированы в единый корпус, что позволило построить объективную картину функционирования еврейской общины Якутии в XIX–XXI вв.

Таким образом, целью исследования стало комплексное изучение еврейского некрополя г. Якутска как исторического источника, отражающего социальную и религиозную специфику еврейской общины города в XIX–XXI вв., с целью реконструкции процесса формирования и развития еврейской общины Якутии на протяжении указанного периода.

Задачами исследования стали: проведение полевого обследования, включающего описание состояния надгробий еврейского некрополя Якутска, анализ текстов эпитафий и изображений на памятниках; использование архивных источников для дополнительного исследования истории и традиций еврейской общины региона, выявление динамики изменений в общинных традициях; проведение сравнительного анализа с другими еврейскими некрополями Восточной Сибири, определение региональной специфики и общих закономерностей.

Гипотеза исследования предполагает, что анализ еврейского некрополя Якутска позволит выявить неизвестные ранее аспек-

ты социальной структуры, религиозной жизни и специфики еврейской общины региона, подтвердив значимость погребальных традиций как индикатора динамики и стабильности еврейских диаспор Восточной Сибири.

Хронологические рамки исследования охватили конец XIX – первую четверть XXI в. Нижняя граница определена появлением в Якутске еврейского некрополя, верхняя – его функционированием до настоящего времени.

Полученные выводы могут послужить основой для дальнейшего комплексного изучения сохранившихся и утраченных сибирских еврейских некрополей. Результаты исследования внесут вклад в развитие исторической науки и расширят понимание еврейских погребальных обычаев на территории Восточной Сибири, а также их устойчивости в контексте общих традиций иудаизма и местных особенностей.

Особенности функционирования еврейской общины Якутска до 1917 г. и устройство еврейского кладбища

Якутск – город в Восточной Сибири, основанный в 1632 г. русскими казаками как острог. В 1638 г. он стал административным центром Якутского уезда, а с 1784 г. являлся столицей Якутской области (до 1922 г.). С середины XVII в. Якутская область была местом ссылки. Изначально в нее попадали уголовные преступники, отбывающие ссылку в других регионах Сибири за совершенные ими рецидивы, осужденные коренные сибиряки или государственные преступники на поселение после окончания срока каторжных работ [13]. Позднее к ссыльным в Якутскую область прибавились члены религиозных сект, таких как скопцы, духоборы, раскольники и субботники [14, л. 1], а также осужденные за политические преступления. Некоторые члены этих категорий могли быть евреями, в случае же с сектантами секта субботников представляла собой русских крестьян, принявших иудаизм и стремившихся к родственным связям с евреями. Среди осужденных встречались и караимы – представители немногочисленной этнической группы, также исповедующей иудаизм [15, л. 1].

Наряду с представителями других национальностей, ссыльных евреев расселяли по всем округам Якутской области, в том числе в Олекминский, Среднеколымский, Вилюйский, Верхоянский и Якутский округа [16]. По данным различных переписи

сей населения, в разные годы в Якутской области проживало следующее количество евреев: в 1862 г. – 94 чел., в 1911 г. – 547, в 1933 г. – 950, а в 1989 г. – 1125 чел. [1]. Поскольку большая часть евреев стремились из округов попасть в Якутск, то и полноценная еврейская община со своими основными атрибутами – молельным домом, раввином и кладбищем – возникла только в самом Якутске во второй половине XIX в. К 1880-м гг. в Якутске существовали молитвенный дом, ритуальный забойщик скота (резник) и еврейское кладбище. Однако в отличие от богатой общины Иркутска она была бедной и немногочисленной. Основные занятия евреев включали ремесла и мелкую торговлю. Из-за своей малочисленности, недостатка финансовых ресурсов и тяжелого якутского климата община часто не могла завершить начатые проекты, хотя и получала разрешения на создание общинных структур от местной администрации [4].

Политические ссыльные евреи не играли значительной роли в формировании общины, потому что были ассимилированными и нерелигиозными, а после окончания срока ссылки возвращались в центральные регионы России. Кроме этого, многие уголовные ссыльные вступали в брак с местными коренными якутками, а их дети записывались по национальности матери, быстро утрачивая связь с еврейством [8].

В 1880 г. в Якутске был открыт еврейский молитвенный дом, первоначально размещенный на частной квартире из-за нехватки средств. Первый раввин появился в Якутске только в 1903 г., но вскоре уехал в Енисейскую губернию. Следующий кандидат на должность раввина не обладал необходимым образованием, однако исполнял обязанности резника и играл важную роль в проведении религиозных обрядов. В 1913 г. руководство синагоги получило официальное разрешение открыть при молитвенном доме еврейское учебное заведение (хедер) для обучения детей основам иудейской веры и еврейской грамоты [17], но на его организацию и содержание не хватало средств, поэтому дети посещали русские учебные заведения. Грамотные евреи самостоятельно обучали своих детей чтению и письму на иврите и идише.

Жесткие климатические условия и тяжелые физические нагрузки вели к высокой смертности среди ссыльных, в том числе евреев. Факт проживания евреев за пределами Якутска подтверждают метрические записи о рождении, браке, разво-

де и кончине евреев, расселенных по Якутской области. Эти записи содержатся в метрических книгах православных церквей, расположенных в удаленных населенных пунктах Якутии: Зашиверо-Индибирской Спасской церкви (г. Зашиверск), Усть-Янской Спасской церкви (с. Казачье), Момской Николаевской церкви (Байдунский наслег Эльгетского улуса) [18, л. 1] и Жиганской Николаевской церкви (с. Жиганск) [19, л. 1], которые находились на значительном удалении от Якутска. Установить существование изолированных иудейских участков для захоронений по Якутской области за пределами Якутска не удалось, но можно предположить, что умерших иудейского вероисповедания хоронили отдельно от представителей других конфессий, вероятнее всего, за заборами православных кладбищ.

Демографическое распределение еврейского населения Якутской области в конце XIX в. наглядно демонстрирует его концентрацию вокруг Якутска. В 1899 г. из 534 евреев, проживавших в Якутии, 329 жили в Якутске, 94 – в Якутском округе, во всей остальной Якутии насчитывалось 130 евреев [16]. Известно, что в 1888–1893 гг. в Среднеколымске существовала коммуна политических ссыльных, известная под названием «Колымская Иудея» [20].

Параллельно с увеличением числа ссыльных в Якутскую область активизировались процессы, связанные с влиянием православия не только на местное население, но и на вновь прибывших ссыльных. В XIX в. миссионерская деятельность в Якутской области была особенно активна по сравнению с другими сибирскими регионами. Массовое принятие православия было характерно для местного населения – якутов [21]. Влияние миссионеров коснулось и еврейских ссыльных: в Национальном архиве Республики Саха (Якутия) хранятся более 60 дел об отказе их от иудаизма и «присоединении к православию». Такая высокая цифра обращений не зафиксирована ни в одном другом сибирском городе.

Высокая статистика смены вероисповедания объяснялась несколькими причинами. Главными из них были неблагоприятные жизненные условия: суровый климат, голод, болезни. Стремление улучшить свое положение заставляло многих обращаться в православие, надеясь на облегчение быта [12]. Помимо бытовых трудностей, желание сменить веру усиливали и экономические преимущества, предоставляемые государством

переходящим в православие евреям. Совокупность неблагоприятных обстоятельств и государственной политики создала условия для массового перехода евреев, поселенных в Якутии, в православие. Евреи, перешедшие в христианство, покидали еврейскую общину и после смерти хоронились на православных кладбищах по христианскому обряду.

Организация кладбища

В самом Якутске в 1877 г. еврейской общине был выделен участок земли под организацию отдельного еврейского кладбища в составе самого крупного дореволюционного городского Никольского некрополя. Некрополь начал функционировать в последней четверти XVIII в. и располагался за западной границей города. В 1847 г. здесь была заложена новая каменная трехпрестольная Николаевская кладбищенская церковь, ныне действующая как Градо-Якутский Николаевский храм. Рядом с еврейским находился мусульманский участок.

Несмотря на малочисленность и проблемы материального плана, еврейское кладбище было организовано силами общины и стало функционировать в том же 1877 г. На кладбище сохранились немногочисленные дореволюционные надгробия из камня. Песчаник для изготовления надгробий доставляли из верховьев р. Лены, также готовые памятники заказывали из Иркутска. Доставка камней до Якутска занимала около месяца пути на лошадях вдоль Лены. Захоронения на кладбище делились на мужские, женские и детские ряды. Самоубийц хоронили отдельно, возле задней стены ограды. За все время на кладбище было организовано около 5–6 таких могил [3].

На кладбище сохранились дореволюционные надгробия как уголовных, так и политических ссыльных. К примеру, весной 1889 г. на нем было похоронено шесть народовольцев, погибших в результате организованного вооруженного протеста политссыльных в Якутске. Событие получило название «Монастыревский бунт» по фамилии зажиточного якута К. К. Монастырева, чей деревянный дом служил библиотекой для якутских ссыльных и местом их сбора.

К этому моменту в Якутске находилось 34 политических ссыльных (среди которых были женщины), в том числе 29 евреев. Основная часть из них ожидала перевода в еще более се-

верные округа – Вилюйский, Верхоянский и Колымский. Данная группа ссыльных отказалась подчиняться жестким условиям переезда на выдвинутых вице-губернатором П. П. Осташкиным условиях [22]. Протест был подавлен, часть протестующих погибла в результате вооруженного конфликта, а оставшиеся в живых революционеры были преданы суду. Трех обвиняемых – Л. Коган-Бернштейна, А. Гаусмана и Н. Зотова – приговорили к смертной казни через повешение и привели приговор в исполнение во дворе якутской тюрьмы. Остальные получили пожизненную каторгу. Еврейская община похоронила революционеров еврейского происхождения Я. Ноткина, Г. Шура, С. Пика, Л. Коган-Бернштейна и А. Гаусмана на мужской части кладбища. Над захоронениями первых четверых были установлены памятные плиты [23, л. 402]. На могиле А. Гаусмана его вдова поставила памятник, но в марте 1890 г. полиция уничтожила надгробные надписи на русском и еврейском языках, о чем шла длительная переписка между якутским губернатором, якутским городским полицмейстером и Якутским и Вилюйским епископом [24, л. 266, 308, 359, 363]. Еще одна погибшая – Софья (Фрума, Фейга) Гуревич – была похоронена неподалеку от своих соратников на женской половине того же кладбища.

«Монастыревский бунт» стал известен в России и за рубежом благодаря американскому путешественнику Дж. Кеннану, подробно описавшему события в своих путевых очерках. В 1940-е гг. Якутский краеведческий музей установил над могилами казненных революционеров деревянный навес, закрепив на нем две металлические памятные плиты с посмертными словами А. Гаусмана и Л. Коган-Бернштейна, обращенными в будущее. Сами захоронения вошли в реестр революционно-исторических памятников республики, а в 2019 г. могилы «монастыревцев» получили общий статус объекта культурного наследия регионального значения¹.

В начале XX в. доля евреев среди политических ссыльных Восточной Сибири заметно увеличилась, а наибольшее количество евреев-революционеров по-прежнему направлялось в Якутскую область. Согласно списку политических ссыльных,

¹ Об утверждении границ территории объекта культурного наследия регионального значения «Братская могила политических ссыльных, ставших жертвой “Монастыревской трагедии” 22 марта 1889 г. – С. Я. Гуревич, Я. Ноткина, Г. Шура, С. Пик, убитых во время протеста, А. Л. Гаусмана и М. М. Коган-Бернштейна, повешенных по “суду” 7 августа 1889 г.»: приказ Департамента Республики Саха (Якутия) по охране объектов культурного наследия от 17 ноября 2019 г. № 325-ОД.

состоящих на учете на 17 мая 1904 г., в области значились 152 еврея, что составляло почти 45 % от общего числа политических ссыльных в тот период [7].

Организация и функционирование погребального братства внутри еврейской общины Якутска

Внутри каждой еврейской общины диаспоры, вне зависимости от ее численности и материального благополучия, официально или частно существовала религиозная структура, отвечавшая за организацию похорон, соблюдение погребальных традиций и оказание поддержки семье умершего. Данная структура носила название «погребальное братство» (общество) – хевра кадиша. Членство в братстве считалось почетным и предусматривало безвозмездное выполнение обязанностей, связанных с погребением и трауром, а полученные от родственников умерших средства тратились на благоустройство общины, поддержку нуждающихся и образовательные нужды [25].

В последней четверти XIX в. подобное погребальное братство неофициально существовало и в якутской еврейской общине. Впервые попытка узаконить его была предпринята в 1897 г., когда члены общины подали на имя якутского губернатора прошение об утверждении «Устава якутского еврейского погребального общества». Прошение начиналось словами: «Во всех городах как в России, так и по Сибири, где только живут евреи, есть погребальные Общества, которые в сущности необходимы, во-первых, потому что люди и умирают, во-вторых догматы еврейской религии строго воспрещают обиход за умершими евреями русскому, тем более при похоронах» [26, л. 7]. Несмотря на собранные бумаги, в 1898 г. в регистрации общества было отказано.

В 1912 г. хозяйственное правление якутского еврейского молитвенного дома приняло постановление о намерении повторить попытку официально учредить данную организацию и обратилось по этому вопросу с ходатайством к якутскому губернатору. В 1913 г. хозяйственное правление получило от Якутского областного управления отказ с формулировкой: «за отсутствием у якутских евреев раввина, синагоги и дома на кладбище для приготовления трупов к погребению и для хранения нужных для сего вещей» [27, л. 1, 1 (об.), 2, 2 (об.)]

В 1893 г. община получила разрешение на постройку при еврейском кладбище предпохоронного дома омовения – бейт а-таара [28, л. 1, 2]. Несмотря на официальное разрешение, из-за отсутствия средств дом так и не был построен до революции, а усопших по-прежнему готовили к похоронам в домашних условиях. К началу XX в. община разрослась, и в 1915 г. хозяйственное правление Якутского еврейского молитвенного дома обратилось в городскую думу с прошением об отводе дополнительного участка земли под уже существующее еврейское кладбище. Прошение было удовлетворено в том же году, и площадь кладбища увеличилась до 1500 кв. м [29, л. 1–6].

Сохранение еврейской идентичности и функционирование общины и кладбища Якутска в советский и постсоветский периоды

После Октябрьских событий вплоть до 1922 г. Якутск оставался столицей Якутской области, с 1922 по 1990 г. он был столицей Якутской АССР, а с 1990 по 1991 г. – Якутской-Саха ССР. Революция 1917 г., Гражданская война, установление советской власти, репрессии и ссылки советского периода, а также изменения в этнокультурной и религиозной жизни местной общины нашли отражение в функционировании еврейского кладбища. Постепенно трансформировались ритуалы, изменялась форма надгробий, появлялись новые типы эпитафий.

Борьба за власть в Якутской области проходила не менее драматично, чем в других регионах. После Февральских событий 1917 г. по Сибири прошла волна политических манифестаций, организованных политическими ссыльными. Такая демонстрация 10 марта 1917 г. состоялась и в Якутске. Мероприятие собралось у еврейского кладбища, возле могил участников вооруженного протеста политссыльных в 1889 г. («Монастыревского бунта») [30, л. 1]. Выбор места подтвердил высокий уровень присутствия евреев в Якутске в тот период.

Одной из страниц истории Гражданской войны в Якутии стало уничтожение белыми повстанцами отряда красного командира Нестора Каландаришвили в начале 1922 г. Отряд прибыл из Иркутска, попал в засаду в 30 км от Якутска и был расстрелян [31]. Это событие отразилось и в жизни еврейской общины Якутска, поскольку в отряде Каландаришвили служили

два врача-еврея, которых община похоронила на собственном кладбище по еврейскому обряду. Позже на месте захоронений врачей были установлены металлические таблички с надписями, которые сохранились до наших дней. Одна из них содержит следующую информацию: «Лейбин М. А. 1888–1922. Врач, преподаватель медфака Иркутского университета, следовавший в Якутск в составе 3-го Северного отряда имени Н. И. Каландарашвили, погиб в бою с белобандитами в Тектюрской протоке в марте 1922 г.». Вторая: «Аржаманович. Старший врач 2-го Северного отряда имени Н. А. Каландарашвили погиб в бою с белобандитами в Тектюрской протоке в марте 1922 г.».

К началу 1920-х гг. молодежь, которая была вторым, а иногда и третьим поколением, уже родившимся в Якутске, почти не знала еврейского языка и обычаев предков. В 1930 г. была закрыта синагога [32, л. 1]. Немногочисленные религиозные обряды совершались в частных домах, там же отмечались и религиозные праздники.

Несмотря на угасание религиозной жизни, кладбище продолжало функционировать: благодаря неофициально существующему погребальному братству, на нем по-прежнему проводились захоронения по еврейскому обряду. В 1928 г. на кладбище был построен одноэтажный бревенчатый дом омовения (бейт а-таара) площадью 46 кв. м (8,2×6,4 м). Строительство осуществилось спустя много лет после получения соответствующего разрешения и финансировалось средствами, завещанными одним из членов общины – кузнецом М. Я. Шафиром, умершим в 1924 г. [2]. В первые годы здание использовалось по прямому назначению, но позже превратилось в сторожку. Рядом находился пристрой, где хранились многоразовый гроб (в иудаизме хоронят без гроба) и погребальное покрывало (талит или талес), применявшиеся для транспортировки тела умершего от места омовения до могилы. С 1939 г. захоронения перестали осуществляться по принципу разделения на мужские, женские и детские ряды и родственников просто начали подхоранивать на семейные участки.

В 1930-е гг. самая крупная, православная, часть Никольского кладбища, ранее закрытая, была ликвидирована под городскую застройку. Сегодня на ее месте находятся жилые кварталы вблизи современного автовокзала и улицы Октябрьская и Лермонтова, поэтому точные границы бывшего кладбища определить невоз-

можно. Поскольку еврейское кладбище продолжало функционировать и в советское время, оно сохранилось до наших дней и оказалось практически в центре города, между ледовым дворцом «Эллэй Боотур», стадионом «Туймаада» и городским парком.

В разные годы советской власти Якутия продолжала оставаться местом высылки различных категорий советских граждан. В 1940–1942 гг. причинами депортации стали превентивные меры, направленные против «социально опасных элементов», проживавших на территориях, включенных в то время в состав СССР – Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Буковины [33, л. 3], а также финнов и немцев из Ленинградской области.

В 1940 г. на юг Якутии (Алданский, Амгинский, Верхневилюйский, Нерюнгринский, Олекминский и другие районы) на золотые прииски и лесоразработки было направлено более четырех тысяч спецпереселенцев из Польши, среди которых были как поляки, так и евреи [34, л. 1]. В 1942 г. на Крайний Север Якутии (Булунский, Усть-Янский, Жиганский, Ленский и др. районы) [35, л. 18, 19] для решения вопросов продовольственного снабжения фронта и освоения рыбных промыслов были подвергнуты вторичной депортации в Якутию (в 1941 г. они уже были выселены в Алтайский край) более четырех тысяч литовцев и евреев из Литвы. Основным местом их расселения стали низовья Оби, Лены, Енисея, Яны, Индигирки, Колымы.

Режим содержания спецпоселенцев был чрезвычайно жестким. Переселенцы не имели паспортов и права свободного передвижения, им запрещалась переписка с родственниками [36, л. 118]. Условия жизни и труда депортированных были экстремальными, а смертность – высокой. Скученность населения, антисанитария, плохое питание, холод и дефицит топлива порождали массовые заболевания, часто заканчивающиеся летальным исходом. Сложности усугублял тот факт, что среди спецпоселенцев было много стариков, женщин и малолетних детей [37, л. 134].

Часть выживших евреев во время и после Великой Отечественной войны переехала в Якутск. За годы пребывания в Якутии они оказали значительное религиозное и этнокультурное влияние на местную общину, поскольку были носителями устойчивых еврейских традиций и еврейских языков – идиша и иврита. Только в 1956–1959 гг. спецпереселенцы были реабилитирова-

ны и смогли вернуться в Польшу и Литву [38]. Однако не всем удалось вернуться на родину. Около 50 человек скончались в 1940–1950-е гг. и были захоронены на кладбище Якутска. Их захоронения располагались рядом, а большая часть надгробий была выполнена в виде невысоких лиственничных столбиков-мацевот с развернутыми эпитафиями на иврите. Большинство деревянных надгробий было утрачено в пожарах второй половины XX в., но некоторые сохранились до наших дней.

Более простые эпитафии на иврите характерны и для надгробий «местных» евреев, захороненных в тот же период. К этому времени подобные эпитафии на иврите уже были редкостью на других еврейских кладбищах Восточной Сибири [39]. Их появление на еврейском кладбище Якутска обусловлено влиянием польско-литовских спецпереселенцев и может считаться уникальной особенностью этого некрополя.

Борьба советской власти с религиозностью, ассимиляция с местным населением и массовый выезд реабилитированных польских и литовских евреев привели к началу 1960-х гг. к фактическому исчезновению еврейской общины Якутии. Единственным объединяющим евреев Якутска звеном, кроме родственных связей, оставалось действующее кладбище. Постепенно и оно приходило в упадок. Серия пожаров уничтожила уникальные деревянные надгробия с эпитафиями на иврите [40]. В 1970-х гг. пристрой-кладовая вместе с содержимым сгорела, а в 2002–2003 гг. сгорел (был сожжен) и сам дом.

С 1991 г. Якутск – столица Республики Саха (Якутия), которая в настоящее время входит в состав Дальневосточного федерального округа Российской Федерации. Якутская еврейская община пережила годы перестройки и продолжает существовать. В 1999 г. она прошла перерегистрацию и стала носить название «Местная религиозная организация ортодоксального иудаизма "Еврейская община г. Якутска"». Руководителем организации и директором кладбища с того времени является Александр Григорьевич Гоммерштадт.

Кладбище по-прежнему действующее. Оно занимает площадь 1 га и официально находится в ведении муниципалитета, однако следит за порядком, оплачивает коммунальные услуги, содержит охранника и проводит общий ремонт кладбища еврейская община.

За 150 лет существования кладбища на нем было произведено, по приблизительным данным, от 2500 до 3000 захоронений. Несмотря на пожары, значительную часть захоронений удалось сохранить до наших дней, и наряду с документами Национального архива Республики Саха (Якутия) они служат важным источником информации о существовании еврейской общины на протяжении длительного времени. В 1995 г. к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне совместными усилиями членов еврейской общины и мэрии г. Якутска на кладбище была установлена памятная стела в честь погибших воинов-евреев.

Рисунок. Надгробие над двойным захоронением супругов Я. И. и М. А. Гальбергов. 1955 г. Песчаник. Высота – 180 см
Рис. Е. Г. Павловой, фото А. П. Андреева

Осмотр сохранившихся надгробий конца XIX – середины XX в. показал их значительное различие друг от друга по стилистике и материалам. Это свидетельствует о заказе памятников родственниками умерших в разных мастерских как в самом городе, так и за его пределами. Надгробия также были изго-

товлены из разных материалов – песчаника, гранита, бетона, металла и дерева, а изображения ограничивались подсвечниками для Шаббата и звездами Давида, встречающимися только на деревянных надгробиях. Структура эпитафий соответствовала традиционной еврейской формуле, что свидетельствует о присутствии в общине того времени людей, знакомых с правилами погребения и составления текстов эпитафий.

Таблица

Текст эпитафии с надгробия над двойным захоронением супругов Я. И. и М. А. Гальбергов и перевод ее ивритоязычной части на русский язык

Оригинальный текст эпитафии	Перевод ивритоязычной части эпитафии
<p>ד.ג. וְבוֹאֵר בְּקִעֵי רַב דּוֹעֵלֵא קְתָנֵי רַב גַּרְבֵּלָג (אֲטִיל) הַנְּבוּק רִיעַמַּ אֶרְדָּא חַל וְטָה כּוֹיִם פִּנּוּ אִישֵׁתָה תִנְשׁ ה.ה.ב.צ.נ.ת.</p> <p>3. П. Яков Исакович Гальберг 1877–1951</p>	<p>Здесь покоится Рав Яков Реувен Сын рава Ицхака Элиода Гальберг Из города Ковна (Лита) Упокоился в мире с Б-гом 15 в месяц адар 1 Года 5711¹ T[a]HЦ[e]BA²</p>
<p>ד.ג. תב סירמ השאה בקעיר השא קיזיא ר גרבולג (אטיל) הנבווק ריעמ זומת הי הרטפנ דישהת ה.ה.ב.צ.נ.ת.</p> <p>3. П. Мария Аизиковна Гальберг 1879–1954</p>	<p>Здесь покоится Женщина Мирьям дочь Рава Айзика жена рава Якова Гальберг Из города Ковна (Лита) Умерла 15 тамуз 5714³ T[a]HЦ[e]BA</p>

Начиная с конца 1950-х гг. и по настоящее время надгробия на кладбище представляют собой типовые памятники, харак-

¹ Дата смерти при пересчете на Григорианский календарь – 21 февраля 1951 г.

² «Да будет завязана ее [ero] душа в узле жизни [с душами Авраама, Исаака и Якова и всех [праведников]]» – фрагмент цитаты из еврейской поминальной молитвы Изкор, первые буквы которой являются обязательной заключительной эвлогией (благословением) в традиционной формуле еврейской эпитафии.

³ Дата смерти при пересчете на Григорианский календарь – 16 июля 1954 г.

терные для кладбищ других конфессий того же периода. Они уже не содержат текстов на иврите и ничем не выделяются среди других еврейских некрополей Восточной Сибири.

На рисунке и в таблице приведены пример надгробия середины XX в. (1955 г.) и текста эпитафии на нем с еврейского кладбища Якутска. Надгробие выполнено из песчаника и установлено над двойным захоронением супругов, переселенных в 1942 г. из Литвы. Основная часть текста эпитафии выполнена на иврите, что нехарактерно для других еврейских кладбищ Восточной Сибири данного периода. Фамилии усопших в ивритоязычной части эпитафии также написаны на иврите, в отличие от эпитафий начала первой четверти XX в., когда повсеместно в Восточной Сибири в ивритоязычных эпитафиях стали указывать фамилии умерших для удобства прочтения на идише (используя идишскую орфографию). Подобным способом написаны все фамилии спецпереселенцев 1940–1942 гг., похороненных на Якутском еврейском кладбище.

Обсуждение и выводы

Проведенное полевое обследование еврейского некрополя Якутска позволило собрать данные о состоянии надгробий, составить описание памятников, проанализировать тексты эпитафий и декоративные элементы. Архивные документы показали динамику изменений в общинных традициях, социальной структуре и культурной жизни евреев Якутии XIX–XX вв. Сравнительный анализ с другими еврейскими кладбищами Восточной Сибири выявил как общие закономерности, так и специфику устройства и функционирования еврейского кладбища Якутска. Это подтверждает индивидуальность еврейской общины Якутии в сравнении с соседними регионами. Полученные результаты создают основу для дальнейших исследований еврейского наследия Якутии, способствуют улучшению понимания еврейской истории Восточной Сибири и сохранению культурного наследия еврейских общин региона.

Список литературы

1. Гройсман А. Г. Евреи в Якутии. Часть 1. Община: монография. Т. 1. Якутск: Полиграфист, 1995. 112 с.
2. Гройсман А. Г. Евреи в Якутии. Часть 2. После революции: монография. Т. 2. Якутск: Полиграфист, 1999. 82 с.

3. Андреев А. П. Еврейская диаспора Якутии // Наука и образование. 2006. № 3. С. 114–116. EDN: KATPQT.
4. Андреев А. П. Еврейское население Якутии // Наука и образование. 2007. № 3. С. 168–170. EDN: KAQCAL.
5. Андреев А. П. Еврейское школьное образование в Якутске (1900–1920-х гг.) // Молодой ученый. 2014. № 20. С. 2–4. EDN: TBFXBF.
6. Еранцева О. А. Развитие дореволюционного отечественного законодательства о рецидиве преступлений с XIX в. до начала XX в. // Право: история, теория, практика: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 20–23 июля 2016 г.). СПб.: Свое издательство, 2016. С. 17–20. EDN: WFFCMX.
7. Ермолаев Т. С. Образование и деятельность Якутского окружного полицейского управления (1868–1917 гг.) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 4. С. 14–19. DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8608. EDN: XYOWTZ.
8. Казарян П. Л. Общее и особенное в ссылке евреев в Якутский край (XVII–XX вв.) // Страницы истории евреев Сибири в XIX–XX веках: сб. статей. Красноярск: Кларетианум, 2003. С. 3–14.
9. Сальникова Е. С. Особенности ссылки в Якутскую область во второй половине XIX века // Омский научный вестник. 2011. № 5. С. 23–25. EDN: OAVHVN.
10. Сивцева С. И., Акимова В. С., Курчатова Т. Т. Принудительная ссылка на край земли: спецпоселенцы в Якутии в 1940-е годы // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2022. № 1. С. 52–63. EDN: BCRXCB.
11. Иванов А. А., Курас С. Л., Курас Т. Л. Ссылные евреи в политической жизни Иркутской губернии конца XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 162–169. DOI: 10.17223/19988613/71/23. EDN: PUUAAN.
12. Юганова И. И. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Якутии (XVII – начало XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. № 3. С. 117–128. EDN: STRHSZ.
13. Казарян П. Л. Якутия в системе политической ссылки России, 1826–1917 гг. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1998. 494 с.
14. Национальный архив республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. И24. Оп. 1. Д. 49.
15. НАРС(Я). Ф. И43. Оп. 1. Д. 1702.
16. Курчатова Т. Т., Андреев А. П. Евреи Якутии в конце XIX в. (по материалам первой всеобщей переписи населения 1897 г.) // Общество: философия, история, культура. 2016. № 4. С. 72–74. EDN: TOJLSU.
17. Кальмина Л. В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2003. 422 с.
18. НАРС(Я). Ф. И226. Оп. 15. Д. 559.
19. НАРС(Я). Ф. И226. Оп. 16. Д. 67.
20. Из истории колымской библиотеки // МКУК «Межпоселенческая централизованная библиотечная система» Среднеколымского улуса (района) [Электронный ресурс]. URL: <https://mcbs-sr.saha.muzkult.ru/history> (дата обращения: 11.06.2025).
21. Асочакова В. Н. Церковные источники демографического учета в изучении христианизации коренных народов Сибири // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 3. С. 87–92. EDN: XACKIV.
22. Кротов М. А. Два вооруженных протеста якутских политических ссыльных. Якутск: Якутское книжное издательство, 1974. 70 с.
23. НАРС(Я). Ф. И192. Оп. 19. Д. 1.
24. НАРС(Я). Ф. И12. Оп. 15. Т. 2. Д. 321А.
25. Берман Е. А. Погребальное братство как социокультурный институт иудаизма (на примере иркутской еврейской общины второй половины XIX – первой половины XX в.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 2. С. 64–74. DOI: 10.21285/2415-8739-2022-2-64-74. EDN: PSBIVZ.
26. НАРС(Я). Ф. И12. Оп. 1. Т. 4. Д. 15896.
27. НАРС(Я). Ф. И12. Оп. 2. Т. 2. Д. 6172.
28. НАРС(Я). Ф. И165. Оп. 1. Д. 1529.

29. НАРС(Я). Ф. И165. Оп. 1. Д. 3412.
30. НАРС(Я). Ф. Ф1. Оп. 1. Д. 636.
31. Пестерев В. И. Гражданская война на Северо-Востоке России и антикоммунистические выступления в Якутии (1918–1930 гг.): монография. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2009. 529 с.
32. НАРС(Я). Ф. Р94. Оп. 1. Д. 37.
33. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 527.
34. Архив Министерства внутренних дел Республики Саха (Якутия). Ф. 11. Оп. 1. Д. 961.
35. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 108.
36. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 71.
37. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 91.
38. Рахлина Р., Рахлин И. 16 лет возвращения. Сибирская сага / пер. с англ. М.: Зебра-Е, 2004. 310 с.
39. Берман Е. А., Павлова Е. Г. Амурский еврейский некрополь как этнокультурная составляющая жизни еврейской общины г. Иркутска первой половины XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 4. С. 114–128. DOI: 10.21285/2415-8739-2020-4-114-128. EDN: XQTTVJ.
40. Березин А., Левин В. Сибирский миф в еврейской истории: евреи Сибири как религиозная группа // Judaic-Slavic Journal. 2021. № 1. С. 17–67. DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.03. EDN: OLGCBX.

Yakutsk Jewish Cemetery as a Historical Source on the Functioning of the Yakutsk Jewish Community in the 19th – 21st Centuries

Elena A. Berman

Since the 17th century, the Yakut region was a place of exile for those convicted of criminal and political crimes, including Jews from the early 19th century onwards. Like other exiles, they were scattered throughout the region, but due to their small numbers, a full-fledged Jewish community only formed in Yakutsk, and only in the second half of the 19th century. The Yakut community included all the main elements of any Jewish community in the diaspora, the most important of which were a prayer house and a cemetery isolated from other faiths. This paper analyzes the organization and functioning of the Jewish necropolis of Yakutsk as an important element of community life and a source of historical and ethnocultural heritage of the Jews of Yakutia. The study covers the period from the last quarter of the 19th century to the present. During the course of the work, the history and characteristics of burials at the Jewish cemetery in Yakutsk were studied, early epitaphs on gravestones were systematized, the activities of the burial brotherhood were investigated, and the degree of compliance of the necropolis organization with Jewish burial traditions was determined. The findings of this study will contribute to further research on Siberian Jewish cemeteries and a deeper understanding of the functioning of Jewish communities in Eastern Siberia.

Key words: Jewish community, Yakutsk, necropolis, Judaism, funeral traditions, epitaphs, funeral brotherhood, Eastern Siberia, historical heritage.

Acknowledgements: the author would like to thank Alexander G. Gommerstadt, head of the “Local Religious Organization of Orthodox Judaism ‘Jewish Community of Yakutsk’”.

For citation: Berman, E. A. (2025) Evreiskii nekropol' Yakutska kak istoricheskii istochnik funktsionirovaniya yakutskoi evreiskoi obshchiny XIX–XXI vv. [Yakutsk Jewish Cemetery as a Historical Source on the Functioning of the Yakutsk Jewish Community in the 19th – 21st Centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 156–176. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_3_156. EDN: PAXTMB

References

- Groisman, A. G. (1995) *Evrei v Yakutii. Chast' 1. Obshchina* [Jews in Yakutia. Part 1. Community]. Vol. 1. Yakutsk: Poligrafist. (In Russ.)
- Groisman, A. G. (1999) *Evrei v Yakutii. Chast' 2. Posle revolyutsii* [Jews in Yakutia. Part 2. After the Revolution]. Vol. 2. Yakutsk: Poligrafist. (In Russ.)
- Andreev, A. P. (2006) Evreiskaya diaspora Yakutii [The Jewish Diaspora of Yakutia]. *Nauka i obrazovanie* [Science and Education]. No. 3. Pp. 114–116. (In Russ.). EDN: KATPQT.
- Andreev, A. P. (2007) Evreiskoe naselenie Yakutii [The Jewish Population of Yakutia]. *Nauka i obrazovanie* [Science and Education]. No. 3. Pp. 168–170. (In Russ.). EDN: KAQCAL.
- Andreev, A. P. (2014). Evreiskoe shkol'noe obrazovanie v Yakutske (1900–1920-kh gg.) [Jewish School Education in Yakutsk (1900–1920's)]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist]. No. 20. Pp. 2–4. (In Russ.). EDN: TBFXBF.
- Erantseva, O. A. (2016) Razvitie dorevolyutsionnogo otechestvennogo zakonodatel'stva o retsidive prestuplenii s XIX v. do nachala XX v. [The Development of Pre-Revolutionary Domestic Legislation on Recidivism from the 19th Century to the Beginning of the 20th Century]. *Pravo: istoriya, teoriya, praktika* [Law: History, Theory, Practice]. Proceedings of the IV International Scientific Conference, 20–23 July 2016, St. Petersburg. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo. Pp. 17–20. (In Russ.). EDN: WFFCMX.
- Ermolaev, T. S. (2017) Obrazovanie i deyatel'nost' Yakutskogo okruzhnogo politseiskogo upravleniya (1868–1917 gg.) [The Formation and Development of the Yakut Regional Police Department (1868–1917)]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia]. No. 4. Pp. 14–19. (In Russ.). DOI: 10.24420/KUI.2017.4(30).8608. EDN: XYOWTZ.
- Kazaryan, P. L. (2003) Obshchee i osobennoe v ssylke evreev v Yakutskii kraii (XVII–XX vv.) [Common and Special Things in the Exile of Jews to the Yakut Territory (17th–20th Centuries)]. *Stranitsy istorii evreev Sibiri v XIX–XX vekakh* [Pages of the History of the Jews of Siberia in the 19th–20th Centuries]. Krasnoyarsk: Klaretianum. Pp. 3–14. (In Russ.)
- Salnikova, E. S. (2011) Osobennosti ssylki v Yakutskuyu oblast' vo vtoroi polovine XIX veka [The Features of the Exile to Yakutiya in the Second Part of 19th Century]. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin]. No. 5. Pp. 23–25. (In Russ.). EDN: OOAVHN.
- Sivtseva, S. I., Akimova, V. S., Kurchatova, T. T. (2022) Prinuditel'naya ssylka na kraii zemli: spetsposelentsy v Yakutii v 1940-e gody [Forced Exile to the Edge of the Earth: Special Settlers in Yakutia in the 1940]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova. Seriya: Istoriya. Politologiya. Pravo* [Vestnik of North-Eastern Federal University. History. Political Science. Law]. No. 1. Pp. 52–63. (In Russ.). EDN: BCRXCB.
- Ivanov, A. A., Kuras, S. L., Kuras, T. L. (2021) Ssyl'nye evrei v politicheskoi zhizni Irkutskoi gubernii kontsa XIX – nachala XX v. [Exiled Jews in the Political Life of the Irkutsk Province at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal. History]. No. 71. Pp. 162–169. (In Russ.). DOI: 10.17223/19988613/71/23. EDN: PUUAHA.
- YUrganova, I. I. (2014) Missionerskaya deyatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Yakutii (XVII – nachalo XX v.) [Missionary activities of Russian Orthodox Church in Yakutia 17th – Early 20th Centuries)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History]. No. 3. Pp. 117–128. (In Russ.). EDN: STRHSZ.
- Kazaryan, P. L. (1998) *Yakutiya v sisteme politicheskoi ssylki Rossii, 1826–1917 gg.* [Yakutia in the System of Political Exile in Russia, 1826–1917]. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat. (In Russ.)
- Natsional'nyi arkhiv respubliki Sakha (Yakutiya)* [National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia)] (hereinafter – (NARS)(Ya)). F. I24. Op. 1. D. 49.
- NARS(Ya). F. 143. Op. 1. D. 1702.

16. Kurchatova, T. T., Andreev, A. P. (2016) Evrei Yakutii v kontse XIX v. (po materialam pervoi vseobshchei perepisi naseleniya 1897 g.) [The Jews of Yakutia at the Late 19th Century (Case Study of the First National Census of 1897)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture]. No. 4. Pp. 72–74. (In Russ.). EDN: TOJLSU.

17. Kal'mina, L. V. (2003) *Evreiskie obshchiny Vostochnoi Sibiri (seredina XIX v. – fevral' 1917 g.)* [Jewish Communities of Eastern Siberia (Mid-19th Century – February 1917)]. Ulan-Ude: Publishing and Printing Complex of the East Siberian State Institute of Culture. (In Russ.)

18. NARS(Ya). F. I226. Op. 15. D. 559.

19. NARS(Ya). F. I226. Op. 16. D. 67.

20. Iz istorii kolymskoi biblioteki [From the history of the Kolyma library]. MKUK “*Mezhpосelenncheskaya tsentralizovannaya bibliotchnaya Sistema*” Srednekolymnskogo ulusa (raiona) [MKUK Intersetlement centralized library system of Srednekolymsky ulus (district)]. URL: <https://mchs-sr.saha.muzkult.ru/history> (available at 11 June 2025).

21. Asochakova, V. N. (2016) Tserkovnye istochniki demograficheskogo ucheta v izuchenii khristianizatsii korennykh narodov Sibiri [Church Sources of Demographic Accounts when Studying the Christianization of Indigenous Peoples of Siberia]. *Problemy sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Sibiri* [Issues of Social-Economic Development of Siberia]. No. 3. Pp. 87–92. (In Russ.). EDN: XACKIV.

22. Krotov, M. A. (1974) *Dva vooruzhennykh protesta yakutskikh politicheskikh ssyl'nykh* [Two Armed Protests by Yakut Political Exiles]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russ.)

23. NARS(Ya). F. I192. Op. 19. D. 1.

24. NARS(Ya). F. I12. Op. 15. T. 2. D. 321A.

25. Berman, E. A. (2022) Pogrebal'noe bratstvo kak sotsiokul'turnyi institut iudaizma (na primere irkutskoi evreiskoi obshchiny vtoroi poloviny XIX – pervoi poloviny XX v.) [Chevra Kadisha as a Socio-Cultural Institution of Judaism (on the Example of the Irkutsk Jewish Community of the Second Half of the 19th – the First Half of the 20th Century)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. Vol. 18. No. 2. Pp. 64–74. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2022-2-64-74. EDN: PSBIVZ.

26. NARS(Ya). F. I12. Op. 1. T. 4. D. 15896.

27. NARS(Ya). F. I12. Op. 2. T. 2. D. 6172.

28. NARS(Ya). F. I165. Op. 1. D. 1529.

29. NARS(Ya). F. I165. Op. 1. D. 3412.

30. NARS(Ya). F. F1. Op. 1. D. 636.

31. Pesterev, V. I. (2009) *Grazhdanskaya voyna na Severo-Vostoke Rossii i antikommunisticheskie vystupleniya v Yakutii (1918–1930 gg.)* [The Civil War in Northeastern Russia and Anti-Communist Protests in Yakutia (1918–1930)]. Yakutsk: Yakut Scientific Center SB RAS. (In Russ.)

32. NARS(Ya). F. R94. Op. 1. D. 37.

33. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [The State Archive of the Russian Federation] (hereinafter – GARF). F. 9479. Op. 1. D. 527.

34. *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del Respubliki Sakha (Yakutiya)* [Archive of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Sakha (Yakutia)]. F. 11. Op. 1. D. 961.

35. GARF. F. 9479. Op. 1. D. 108.

36. GARF. F. Ф. 9479. Op. 1. D. 71.

37. GARF. F. 9479. Op. 1. D. 91.

38. Rakhlina, R., Rakhlin, I. (2004) *16 let vozvrashcheniya. Sibirskaya saga* [16 years of return. The Siberian Saga]. Moscow: Zebra-E. (In Russ.)

39. Berman, E. A., Pavlova, E. G. (2020) Amurskii evreiskii nekropol' kak ehtnokul'turnaya sostavlyayushchaya zhizni evreiskoi obshchiny g. Irkutsk na pervoi poloviny XX v. [Amur Jewish Necropolis as an Ethnocultural Component of the Irkutsk Jewish Community life in the First Half of the 20th Century]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. Vol. 16. No. 4. Pp. 114–128. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2020-4-114-128. EDN: XQTTVJ.

40. Berezin, A., Levin, V. (2021) Sibirskii mif v evreiskoi istorii: evrei Sibiri kak religioznaya gruppa [Siberian Myth in the Jewish History: Jews of Siberia as a Religious Group]. *Judaic-Slavic Journal* [Judaic-Slavic Journal]. No. 1. Pp. 17–67. (In Russ.). DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.03. EDN: OLCGBX.

Об авторе

Берман Елена Александровна, кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры ювелирного дизайна и технологий, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: lena.berman.amanut@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-3374-161X

About the author

Berman Elena A., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Jewelry Design and Technology, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: lena.berman.amanut@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-3374-161X

Статья поступила в редакцию 15.06.2025

Одобрена после рецензирования 16.07.2025

Принята к публикации 29.07.2025